

Joanna Mianowska

Польские крохотки ди-пийцев

Acta Neophilologica 17/2, 165-174

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska

Instytut Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy

ПОЛЬСКИЕ КРОХОТКИ ДИ-ПИЙЦЕВ

Key words: refugees, Polish traces, campers, a colourful figure, forced labor camps, autobiographical prose

Литературу тех лиц, которые оказались после 1945 года лицами без гражданства (Ди-Пи – Displaced Persons), принято называть второй волной русского рассеяния. Когда в конце 80-ых – начале 90-ых годов, благодаря общественно-политическим изменениям, в литературоведческий обиход вошла русская литература эмиграции XX века, мало было известно о литературном наследии тех, которые сознательно встали на борьбу с советским режимом. Джон Глэд в начале 90-х годов писал: «Хотя во „второй волне” были представители интеллигенции, она в целом не обладала „критической массой”, необходимой для сохранения культурной традиции за рубежом» [Глэд 1991, 14].

В России лишь в 1998 году Владимир Агеносов впервые познакомил в своем учебнике с творчеством писателей и поэтов второй волны русского исхода [Агеносов 1998, 383-456]. Стоит отметить, что во многих учебниках конца XX – начала XXI века второй волне эмиграции уделено небольшое внимание, в том числе в книге *Литература русского зарубежья* под общей ред. А. Смирновой [Москва 2006] или в *История литературы русского зарубежья (1920 – начало 1990-х гг.)* под ред. А.П. Авраменко [Москва 2011]. В Польше в учебнике *Литература русского зарубежья в образцах и с комментариями* вторая волна представлена именами Л. Ржевского, В. Синкевич и И. Чиннова [Mianowska 2007, 213-237].

В 2008 году судьба русских писателей второй волны эмиграции стала предметом монографического исследования М. Бабичевой, заведующей сектором рекомендательной библиографии НИО Российской государственной библиотеки [Бабичева 2005]. Книга содержит вступительную и заключительную главы и 14 персональных характеристик прозаиков ди-пийцев, сведения о их личности, судьбе, литературном наследии, в котором особо выделены наиболее показательные произведения. Н. Рублева в рецензии на книгу Бабичевой справедливо отмечает:

«Общее мироощущение новых писателей-изгнанников было иным, чем у тех, кто выехал в эмиграцию после революции: в душах послевоенных преобладало не чувство утраты, а чувство освобождения. Основой их патриотизма была не врожденная нежность к „чете белеющих берез” и не тоска по вырубленным „вишневым садам”, а жгучая ненависть к сталинизму» [Рублева 2005].

Упомянутый нами Владимир Агеносов, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН стал первым в России автором антологии, озаглавленной *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции* [Агеносов 2014]. Антология построена по алфавитному принципу. В ней 44 авторов-прозаиков, поэтов, драматургов и критиков. Каждая из частей содержит сначала вступительную статью об авторе, список книг о нем и его главных, еще прижизненных публикациях. Затем Агеносов дает отрывки самых примечательных, по его мнению, произведений автора. К этой антологии еще вернемся в своих рассуждениях, так как некоторые произведения ди-пийцев, вошедшие в эту книгу, будут предметом нашего анализа.

В Польше имена представителей литературы второй волны вошли во вводную статью книги под ред. Л. Суханека, а также в *Лексикон русской литературы XX века* В. Казака, переведенный на польский язык Б. Кодзисом, и в упоминаемый нами учебник быдгошского исследователя [Emigracja... 1993, 16; Kasack 1996; Mianowska 2007]. В 2005 году на страницах ольштынского журнала „Acta Polono-Ruthenica” впервые появилась статья о прозе самого известного из писателей ди-пийцев Леонида Ржевского. В ней анализировался роман прозаика *Между двух звезд* в контексте литературных реминисценций [Mianowska 2005, 51-58].

Слупский исследователь Г. Нефагина, автор восьми научных статей о второй волне эмиграции, справедливо предлагает метафору «остров затонувших кораблей» по отношению к этой литературе и культуре [Нефагина 2012, 241]. Она знакомит с творчеством малоизвестных или вообще неизвестных художников слова – А. Неймирока, М. Корякова, И. Елагина и многих других. Несомненно справедливости слова этого исследователя: «(...) Неизвестные имена (...) как бы затонули, выпали из русской культуры, – это те „корабли”, которые еще предстоит поднять на поверхность, вернуть к жизни в читательское и исследовательское пространство» [Нефагина 2012, 242]. Евгений Витковский, написавший статью *Россия без гражданства: литература второй волны*, вошедшую в упоминаемую антологию В. Агеносова, отмечая полноценность и самодостаточность этой книги, одновременно утверждает, что хотя в антологии много новых имен, но «отсутствует их еще больше» [Витковский 2014, 10]. Ренэ Герра в статье, опубликованной в „Новом журнале”, полемизирует с В. Агеносовым относительно включения некоторых имен в ряд представителей второй волны эмиграции и, как он считает, Агеносов совершает те же ошибки и в своей первой книге *Литература русского зарубежья* [Герра 2015]. Не входя в подробности писательской соотнесенности в пространстве литературы эмиграции, стоит отметить, что имена авторов, представляющих литературу Ди-Пи, будут, несомненно, пополняться и осваиваться исследователями с целью полного осознания культуры и ценности этой ветви культуры.

Обратимся к вышедшей недавно, уже упоминаемой нами антологии В. Агеносова *Восставшие из небытия*, в которую вошли фрагменты произведений ди-пейцев мало или до сих пор вообще неизвестных. В некоторых из них целесообразно проследить польские крохотки, ибо о целых мотивах, сюжетах и произведениях говорить не приходится. Если поэты и прозаики первой волны русского исхода XX века – К. Бальмонт, Д. Философов, Д. Мережковский и З. Гиппиус, Р. Гуль, А. Куприн, М. Цветаева, Б. Зайцев и многие другие были связаны с Польшей временным местом пребывания (Варшава) или сюжетами некоторых своих произведений, то лишь некоторые ди-пейцы находились в немецких концлагерях в Польше (многие об этом замалчивали), немногие из них в свои произведения вплетали крохотные польские сюжеты. Малоизвестно о пребывании на территории Польши Глеба Александровича Глинки, поэта известного своими стихами еще до начала второй мировой войны, имя которого включено в антологию Агеносова. Попав в плен в октябре 1941 года, он всю войну пребывал в немецких концлагерях в Польше, затем во Франции и Бельгии, где женился на польке. Однако польское в произведениях, включенных в антологию, появляется лишь в домислах в стихотворении *Испепеленные*:

Нас минами рвали, нас фосфором жгли,
Но мы устояли, костями не легли.
Едва уцелели в боях и в плену. Приплыли без цели в чужую страну.
Рожденье второе и новая жизнь (...) [Агеносов 2014, 225].

Семейными узами с Польшей была также связана Димер (урожд. Бойко) Евгения Александровна, поэтесса, прозаик и эссеист. Рожденная в Киеве, она в сентябре 1943 года была насильно эвакуирована немцами в Польшу, где вышла замуж за инженера-строителя, переброшенного в Италию [Агеносов 2014, 252]. Интересен факт, что Димер выдавала себя сначала за итальянку, затем польку (чтобы избежать репатриации). Уже будучи польской беженкой в 1945 году, она стала студенткой Мюнстерского университета, студенческое общежитие которого находилось в ведении лагеря беженцев Гревен (ее мать – также ди-пейка работала в двух лагерях, Райне и Эссен-Край). В 1947 году, еще до эмиграции в США, она стала автором стихотворения *Варшава (картинка из прошлого)* [Агеносов 2014, 256-257]. Мотто к этому стиху Димер выбрала на слова Игоря Михалевича – Каплана «Шопен, как шепот листьев Польши».

Стоит отметить, что Варшава появлялась и появляется в поэзии россиян издавна. Не входя в подробности этой проблематики, хочется отметить поэзию Яна Бернарда, современного творца, проживающего в Ставрополе, родившегося в Варшаве. Ян Орловский в одной из своих работ, посвященных поэзии Яна Бернарда, пишет о его сокровенных стихах, посвященных Варшаве, которую Бернард называет «Наш Вечный Бастион Любви» [Orłowski 2015]. Многие их стихов Бернарда перекликаются со стихом Е. Димер о Варшаве, в котором поэтесса возвращается к прошлому столицы, когда «Варшава утопала в омуте военном» [Димер 2014, 256]. Улицу Маршалковска Димер называет «польским Бродвеем». Казалось бы, что

в Варшаве «бравурный Вагнер подавил совсем Шопена», однако главным героем стихотворения поэтессы становится скрипка, на которой, ожидающий подающих скрипач, играет «искусно», «вдохновенно» полонез Шопена. Отметим, что такой сюжет появляется во многих стихах упоминаемого Яна Бернарда [Бернард 2008]. В магическом звуке скрипки слышен оптимистический тон. Напомним, что в свое время В. Астафьев, автор повести *Последний поклон*, во вступлении к ней, названном «Далекая и близкая сказка», вводит образ Васи-поляка, сына польских ссыльных, играющего на скрипке, являющейся символом добра и жажды справедливости. У Астафьева музыка «(...) хватала за горло (...) звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не ютились в горящих развалинах, чтобы небо не подбрасывало взрывами» [Астафьев 1978, 97]. В стихотворении Димер магический звук скрипки – это предвестник того, что закат казался «розовым рассветом». Как и у Астафьева, у Димер помимо того, что вокруг руины и страдания, скрипка порождает действие, в ней звучит набатно-призывный мотив. Несомненно, прав В. Пилат, утверждая, что игра Васи-поляка выражает совершенство, упорядоченность и гармонию, а также, добавим от себя, внушает силу любви, торжества и добра [Pilat 1981, 202]. Война и прошлое часто становятся главными в стихах Димер. В ее удивительном стихотворении *Вагон на свалке* поэтесса размышляет о вагоне, сравниваемом ею с книгой «с тысячей страниц», который везет евреев в Аушвиц из Львова, Кракова и Риги [Димер 2014, 256]. Как и в других стихах поэтессы, тонко видятся детали – «вагон товарный, без колес», которые переходят в философские размышления «вагон товарный, грязно-красный, где не понять, где кровь, где – грязь» [Димер 2014, 256].

Обратимся к прозе Бориса Андреевича Филиппова, фамилия которого, как у многих ди-пейцев, не настоящая. На самом деле, он – Филистинский, которого поэтесса В. Синкевич называет «самым разносторонним литератором зарубежья» [Синкевич 2002]. Упоминаемый Р. Герра объясняет литературные псевдонимы поэтов и прозаиков второй волны эмиграции словами Б. Филиппова: «Все мы писали под псевдонимами, и эти псевдонимы не были чисто литературной уловкой. Нет, нас принуждала к ним горькая судьба бывших советских граждан, обреченных на выдачу по Ялтинскому сограшению (...) Вот я и стал Филипповым. Фамилия не очень оригинальная» [Цит. за: Герра 2015]. Дважды арестованный, сначала на два месяца (1927) за участие в религиозно-философском кружке С. Аскольдова, затем в 1936 году вплоть до 1941 он был отправлен в Ухто-Печерские лагеря ГУЛАГа [Агеносов 2014, 639]. В его биографии, по словам Л. Щелоковой, много различного рода предположений и версий, так как после входа немцев в Великий Новгород, он работал во власовской газете «За Родину» [Щелокова 2012, 258]. Не входя в подробности сотрудничества Филиппова с немцами (в Википедии он прямо назван коллаборационистом), стоит сказать, что в конце второй мировой войны Филиппов оказался в беженских лагерях в Германии, а в 1950 году эмигрировал в США. Ренэ Герра, упоминаемый нами французский славист и профессор, называет Филиппова в числе тех пострадавших, обиженных советской властью, которые прошли

через сталинский ГУЛАГ [Герра 2015]. Несомненно, творчество Филиппова, его поэзию и прозу можно без преувеличения назвать многогранной. Кроме того Филиппов вместе со Г. Струве подготовил многотомные собрания сочинений русских классиков XX века, и они составили «эпоху в славяноведении XX века» [Струве 1996; 12, 371]. Недаром Струве дал следующую характеристику Филиппову: «ученейший академический литературовед» [Агеносов 2014, 644].

Сосредоточимся на рассказе Филиппова *Курочка*, написанном по личным впечатлениям автора, в его 5-летней ссылке в исправительно-трудовых лагерях в Коми [Филиппов 2014, 658-670]. Критика считает цикл рассказов Филиппова о ГУЛАГе «значительной удачей» [Агеносов 2014, 642]. Герои его лагерных рассказов – это люди разных сословий и национальностей. Среди них, кроме автора, еще не приобвыкшего лагерника, начитанный инженер Павел Васильевич, работник центральной аптеки лагеря, бывший архиепископ Виталий, старовер-начетчик Архип Сергеич, часовщик Самуил Исакович Перовский и технолог проектного бюро поляк Ричард Тадеушевич Цивильский.

Филиппов создает внешние портреты своих героев, манеры их поведения и речи, говора. Писатель назвал Ричарда Тадеушевича Цивильского «колоритной фигурой». Его внешняя характеристика такова: «Щуплый, поджарый, тонконогий полячок, с седенькой клеванной эспаньолкой, в пенснэ на остреньком носике, с необычайно мелкими чертами сморщенного личика и порывистыми движениями девушки, спешащей на первое любовное свидание» [Филиппов 2014, 665]. Далее можно узнать основную увлеченность Цивильского, он был «вечно влюблен» и за эту склонность получил прозвище «Ричард-Львиные». Его последнее увлечение – Вера Хлыновская – «Двадцатая Буровая» и поэтому лагерники из архитектурного бюро представляли Цивильского с маленьким цивиленком на руках, похожим на отца – также в очках, с седенькой эспаньолкой. Уже сказанное насыщено остротой высказывания, даже мягкой иронией, которая снимает также трагическое (это ведь лагерная жизнь). Филиппов знакомит также с прошлым поляка, получившего 10 лет заключения за упорство в стремлении напечатать многотомный труд «САИЗМ» (социально-архитектурное мировоззрение) или философия эсперанто. Добавим, что прозаик выделяет еще одну страсть Цивильского (кроме равнодушия к женщинам) – эсперанто. Недаром лагерники сочинили «безграмотные вирши» [выражение Филиппова], посвященные поляку:

Плод любви Цивильского

Двадцатой Буровой:

Ричард не нахвалится:

– Эсперантик мой [Цит. по: Филиппов 2014, 666].

О прошлом Цивильского сказано также, что второй том «этого бреда» не пропустила «марксистская» цензура, Цивильский издал его в Польше 30-х годов. Но когда он хотел нелегально издать в Польше третий том, был арестован. Условия лагеря, вносят трагический оттенок, ведь они разрушают нормы жизни. Однако повседневность в рассказе *Курочка* показана не только детально, но и юмористично.

Образы героев раскрыты Филипповым также в речи и в диалогах. Из них можно узнать о пристрастиях героев, инженер-механик Павел Васильевич – поклонник творчества Сологуба, он обожал музыку, насвистывал, напевал симфонии, оратории и оперы, что связывало его с рассказчиком (Андрей – alter ego писателя), пишущим «скверные философические стихи». Во время их чтения Ричард Тадеушевич (рассказчик считает его выскочкой) заявлял следующее: «(...) что вы там не говорите, а русский язык, да и все примитивные, не усовершенствованные языки – страшно грубы!» [Филиппов 2014, 667]. Далее поляк критикует не только стихи рассказчика (Андрея Алексеевича), но и известные пушкинские стихи:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том (...)

противопоставляя им совершенство звучания сказанного на языке эсперанто. Ричард Тадеушевич говорит: «И дальше: не безобразнейший „кот ученый”, а благозвучный „cato instruito”» [Филиппов 2014, 667]. Слова поляка вызывают смех и ироническое предложение: «Назовем нашего ученого кота Памву Берынду – „като инструито”» [Филиппов 2014, 667]. Далее сюжет с котом продолжается и из него можно узнать, что Цивильский кошек не любит, относится к ним брезгливо и возмущается, что больного кота, который перед обысками комендатуры залезал под печь, а вылезая, поцарапал грудку, его друзья-лагерники ложат с собой на койку. Кот, как будто все понимая, ласково прижимался ко всем кроме Цивильского. Больше о поляке ничего не сказано. Его персонаж стоит считать эпизодическим.

Героем рассказа *Курочка* является, принадлежащая лагернику-владыке, всеобщая любимица курочка Мавра, которую все кормили как и кота Памву Берынду. Напомним, что Мавра – это святая мученица, а Памва Берында – ученый лексикограф, инок и архитипограф Киево-Печерской Лавры [*Святая...* 2005]¹. Стоит отметить, что основным литературным трудом Памвы Берынды был *Лексикон славяно-российский и имен толкование*, напечатанный в Киево-Печерской типографии в 1627 году². Главный интерес автора рассказа направлен на многообразные отношения людей, а курочка и кот помогают глубже раскрыть характер персонажей. Их имена – Мавра и Памва Берында – помогают раскрыть также духовные ценности, в которых отражается самобытность народа и оригинальность его мировоззрения. Курочка Мавра – Тварь Божия, которую лагерники охраняли и оберегали от изголодавшихся. С котом Памвой Берындой курочка подружилась и они спали в обнимку в ногах у владыки. Христианские имена животных и отношение к ним их хозяев – православного владыки Виталия, старовера Архипа Сергеича, еврея Самуила Исаковича Перовского и католика Цивильского объединили героев, которым предстояло выдержать новые испытания лагерной жизни. Кот выл как собака или волк после того, как забрали на пересмотр, обозначающий удлинение сроков, расстрелы и пытки, владыку, а Мавра после этого – просто сдохла от тоски. Однако

¹ О Памве Берынде на сайте: http://dic.academic.ru/dic/nstf/enc_biography/98366 [Доступ 15 IV 2015].

² На сайте: <http://www.biografija.ru/biography/pamva-berynda.html> [Доступ 15 IV 2015].

из рассказа можно узнать, что китайцы, работающие в прачечной лагеря, кота Памву украли и из его шкурки сделали меховую шапку-ушанку, которую по дешевке купил Самуил Исакович, утверждая: «И в Талмуде сказано: нечистая зивотная только свиня (...)» [Филиппов 2014, 670]. Тем самым помимо сложностей лагерной действительности и жизни все же в финале утверждается мысль о ее продолжении, несмотря на драматические, необычные события.

Интересен образ поляка, который, на наш взгляд, вписывается в галерею образов Филиппова, его праведников (владыка в *Курочке*) или чудаков (поляк Цивильский в *Курочке*). Богатый жизненный опыт, автобиографичность филипповской прозы позволили В. Синкевич сделать следующий вывод об авторе *Курочки*: «Оригинальность Филиппова-литературоведа (...) заключается в сочетании мысли и эмоции, сложности и простоты, эрудиции и отрицания научного снобизма в любом виде и в сочетании хорошего вкуса с глубоким знанием не только литературы, но и музыки, живописи и зодчества» [Синкевич 2012].

Можно спорить с мнением Филиппова о национальных чертах его героев – почему именно поляку (у писателя – «полячок») приписаны чудачества, неряшливость, чрезмерное увлечение прекрасным полом, брезгливое отношение к животным. Однако Филиппов-рассказчик в *Курочке*, как и в своих других лагерных произведениях, представляется автором оптимистически относящимся к людям и окружающей лагерной действительности. На вопрос Джона Глэда почему он оптимист, писатель ответил: «(...) в лагере я встретил невероятное количество изумительных людей (...) талантливых и чрезвычайно интересных не только в смысле искусства, а талантливых нравственно» [Глэд 1991, 70]. Не подлежит сомнению, что отраженный Филипповым образ поляка Цивильского довольно противоречивый, стереоскопический, совмещающий два угла зрения. С одной стороны, он был эмоционально неуравновешенный (любил приносить какие-то невероятные слухи), был легковверен, легко возбуждался, преувеличивал увиденное, с другой – колоритный, смешной, увлеченный какой-нибудь нелепой затеей, восторженный и по-своему умный. На наш взгляд, многие черты поляка воспринимаются сквозь призму восприятия героев других национальностей и вероисповедания – православного владыки, старовера, еврея и китайцев. Поляк Филиппова не вписывается в стереотипное представление «поляка-бунтаря» из предыдущих эпох, нет также в нем ни рыцарства, ни шляхетского гонора, но автором выражена в лице Цивильского яркая, самобытная фигура со своеобразными привычками и манерой речи. Используются также юмористические штрихи, хотя судьба поляка, как и других лагерников, predetermined – о его дальнейшей судьбе после пересмотра комиссии госбезопасности в рассказе не сказано, лишь можно догадываться о пытках и расстрелах. Несомненно права В. Синкевич, констатирующая о творчестве Филиппова следующее: «Из этого страшного, но богатейшего жизненного опыта рождались типы филипповских праведников и негодяев, палачей и жертв, неудачников, чудаков, эрудитов, меломанов (...)» [Синкевич 2002].

В текстах ди-пийцев, представленных в антологии В. Агеносова, можно говорить лишь о польских крохотках и это вполне понятно. Лишь некоторые ди-пийцы были эвакуированы в немецкие концлагеря в Польше (Глинка, Димер). Например, Борис Николаевич Ширяев в книге *Я человек русский* вспоминает свое пребывание в Италии и вводит краткий сюжет в Болонье с поляками, которые приютили в военное время рассказчика. Поляк, по словам автора, «попался сознательный, сочувственный, оценил ситуацию» [Ширяев 2014, 684]. Польский пан полковник записал рассказчика поляком по фамилии Пшек и жилось ему в Италии в Болонье прекрасно пока поляки не уехали в Англию. Этот отрывок текста Ширяева в нескольких предложениях с образом безымянного поляка свидетельство человеческой солидарности, желания помочь при любых обстоятельствах.

О польских крохотках можно говорить и в прозе Свена Виктора Борисовича (Кублицкий), прозаика и очеркиста [Агеносов 2014, 550-553]. В его рассказе *Ласточки* повествуется о воспоминаниях автора о намерении участвовать в Добровольческой армии в 1919-1920 годы. Однако, хотя и появляются в нем польские имена героинь – старушка Магда, пани Юстя и имение называется «фольварком», сюжет связан прежде всего с ласточками, а главная мысль рассказчика – человеческие войны губят ласточек [Свен 2014, 553-558].

О судьбе многих ди-пийцев известно мало или вообще неизвестно. Упомянутый нами Агеносов справедливо призывает создать хотя бы однотомную энциклопедию литературы Ди-Пи и второй волны эмиграции. На наш взгляд, по мере появления новых имен ди-пийцев и их произведений, возможно, польские крохотки превратятся в постоянные мотивы и сюжеты.

Библиография

- Агеносов Владимир. 1998. *Литература русского зарубежья (1918-1996)*. Москва: Терра.
- Агеносов Владимир. 2014. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя».
- Астафьев Виктор. 1978. *Далекая и близкая сказка /вместо вступления/*. В: Астафьев Виктор. *Повести*. Москва: Современник: 97.
- Бабичева Майя. 2005. *Писатели второй волны русской эмиграции*. Москва: Пашков дом.
- Бернард Ян. 2008. *Сердце Фридерика Шопена. 150 сонетов для юношества России и Польши*. Ставрополь: Сервисшкола.
- Витковский Евгений. 2014. *Россия без гражданства: литература второй волны*, В: Агеносов Владимир. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя»: 10.
- Герра Ренэ. 2015. *Мои встречи с выдающимися представителями второй волны русской эмиграции*. „Новый журнал” № 278. В: <http://magazines.russ.ru/nj/2015/278/14g.html> [Доступ 13 IV 2015].
- Глэд Джон. 1991. *Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье*. Москва: Просвещение.
- Димер Евгения. 2014. *Вагон на свалке*. В: Агеносов Владимир. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя»: 256.

- Димер Евгения. 2014. *Варшава*. В: Агеносов Владимир. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя»: 256.
- Нефагина Галина. 2012. *Остров затонувших кораблей: о проблемах исследования литературы второй волны эмиграции*. В: *Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji*. Red. Nefagina G. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej: 241-249.
- Рублева Наталья. 2006. *Трагедия «ДИ-ПИ» и их литературный адвокат* (Рецензия Бабичева Майя. 2005. *Писатели второй волны русской эмиграции*. Москва: Пашков дом. В: http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/2006_8.pdf [Доступ 23 III 2015].
- Свен Виктор. 2014. *Ласточки*. В: Агеносов Владимир. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя»: 553-558.
- Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации*. 2000. Ред. Платонов О.А. Москва: Алгоритм.
- Синкевич Валентина. 2002. *Самый разносторонний литератор зарубежья*. „Новый журнал” № 226. В: <http://magazines.russ.ru/nj/2002/226/sin.html> [Доступ 29 III 2015].
- Синкевич Валентина. 2012. *Вторая волна эмиграции*. „Новый журнал” № 267. В: <http://magazines/russ/Ru/nj/2012/267/s42.html> [Доступ 23 III 2015].
- Струве Глеб. 1996. *Русская литература в изгнании*. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья. Ред. Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Москва: Русский путь.
- Филиппов Борис. 2014. *Курочка*. В: Агеносов Владимир. *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*. Санкт-Петербург: издательство «Алетейя»: 658-670.
- Ширяев Борис. 1998. *Я человек русский*. В: Агеносов Владимир. 1998. *Литература русского зарубежья (1918-1996)*. Москва: Терра: 684.
- Щелокова Л. 2012. *Смятение русского эмигранта: к проблеме восприятия прозы Бориса Филиппова*. В: *Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji*. Red. Nefagina G. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej: 258-265.
- Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*. 1993. Red. Suchanek L. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Kasack Wolfgang. 1996. *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku. Od początku stulecia do roku 1996*, przekład, opracowanie, bibliografia polska i indeks osób Kodzis B. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Mianowska Joanna. 2005. *Литературные реминисценции в романе Леонида Ржевского «Между двух звезд»*. „Acta Polono-Ruthenica” nr X: 51-58.
- Mianowska Joanna. 2007. *Литература русского зарубежья в образцах и с комментариями*. Второе издание, исправленное и дополненное. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.
- Orłowski Jan. *Jan Bernard, czyli fenomen polonofilstwa w poezji rosyjskiej*. W: <http://www.pisarze.pl/eseje/2665-jan-orlovski-jan-bernard-czyli-fenomen-polonofilstwa-w-poezji-rosyjskiej.html> [Dostęp 13 IV 2015].
- Piłat Walenty. 1981. *Polskie motywy w twórczości W. Astafiewa i S. Krutilina*. „Język Rosyjski” nr 4: 202.

Summary

POLISH TRACES IN THE LITERATURE OF “DISPLACED PERSONS” (THE SECOND WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE 20TH CENTURY)

This article analyzes selected fragments of literary works created by Russian writers who, having lost their citizenship after 1945, became displaced and whose literature is commonly known as the second wave of Russian emigration. It is highlighted that the legacy of those who deliberately chose to fight the Soviet regime is hardly known, not only in Poland. In 2014 a collection of works created by displaced persons – writers, poets, playwrights and literary critics of the second wave of emigration entitled *Raised from Nihilism* was published by a well-known Russian literary scholar V. Agenosov.

The article examines Polish traces in the poetry of *Evgenia Aleksandrovna Dimer*, the author of the poem *Warsaw (a picture from the past)* in which a central role is played by a violin that is artfully used by a violinist to play Chopin's Polonaise. Polish traces can be also found in the prose of B.A. Filippov, for example in his labor camp short story *The Hen*, whose fragments are included in V. Agenosov's anthology. One of the characters is a process engineer in a design agency, a Pole Ryszard Cywinski, a colorful and rather controversial figure. Many character traits of this Pole are worth considering through the prism of other nationalities as reflected in *The Hen*. Polish traces are present also in the prose of B. Shiryayev (*I – the Russian Man*) and V. Sven (Kublitsky) (*Swallows*). As new names of displaced writers continue to emerge, it is possible that Polish traces may become permanent motifs and themes.

Kontakt z Autorką:
miano@wp.pl